

Глава I. Децентрализация промышленности

Разделение и объединение (интеграция) труда. — Распространение промышленного навыка. — Каждая нация производит сама свои фабричные товары. — Великобритания, Франция, Германия, Россия. — Германская конкуренция. Децентрализация промышленности.

Кто не знает замечательной главы, которую Адам Смит начал свое исследование «О природе и причинах богатства народов»? Даже те современные экономисты, которые редко обращаются к трудам отца политической экономии и часто забывают руководившие им мысли, знают наизусть эту главу. Она сделалась догматом веры; и можно сказать, что все сто лет после Адама Смита политическая экономия была ничем иным, как толкованием этой главы.

«Разделение труда» было основным ее положением. И с тех пор разделение и подразделение труда было доведено до того, что человечество было разделено на почти такие же касты, какие существовали в древней Индии. Начать с того, что все люди разделены на производителей и потребителей: на малопотребляющих производителей с одной стороны и малопроизводящих потребителей — с другой. Затем производители, в свою очередь, подразделены, в ущерб тем и другим, на представителей труда физического и труда умственного; на землепашцев и фабричных рабочих, причем последние подразделяются на такое множество мелких отделов, что современный идеал рабочего сводится, по-видимому, к следующему: толпа мужчин, женщин, детей, не знающих никакого ремесла и не имеющих ни малейшего представления о промышленности, в которой они заняты, и в течение всего дня, а иногда и целой жизни каждый из них обречен производить одну и ту же мельчайшую частицу чего бы то ни было, например, возить с 16 до 60 лет вагончик с углем в определенном месте угольной копи, или делать пружины к перочинным ножам, или же мастерить «восемнадцатую часть булавки». Их доля — быть рабами машины, бессознательными членами механизма чудовищных размеров, не имеющими никакого понятия зачем и почему живет и движется эта машина!

Ремесло, требующее искусного мастера, обречено, говорят нам, на исчезновение, как никуда негодный остаток прошлого. Ремесленник-художник, находивший художественное наслаждение в произведении своих рук, заменен теперь живым рабом, состоящим при железном рабе. Даже земледелец, который раньше отдыхал от тяжелых трудов у очага своих предков — будущего жилища своих детей — и находил облегчение в любви к родным полям и в тесном общении с природой, — и тот осужден на исчезновение, благодаря разделению труда. Он — пережиток старины, говорят экономисты, и в скором времени его сменит в громадной «мамонтной ферме» временный работник, нанимаемый на лето и увольняемый на зиму, — бродяга, который никогда более не увидит раз возделанной им нивы.

Ослепленные результатами, достигнутыми нашим веком удивительных изобретений, особенно в Англии, экономисты и государственные люди пошли еще дальше в своих мечтах о разделении труда. Они стали проповедовать необходимость распределения всего человечества по национальным мастерским, имеющим каждая свою специальность. Нас учили, например, что Венгрия и Россия предназначены самой природой выращивать хлеб для прокормления промышленных стран; что Великобритания должна снабжать мировой рынок хлопчатобумажными и железными товарами и углем; Бельгия — шерстяными материями и т. д. Мало того, каждая область в каждой стране должна иметь свою специальность. Так оно было, и так должно оставаться. Богатства наживались

таким путем, и они должны наживаться тем же способом. Оно понятно: раз экономисты решили, что богатство народов измеряется величиною прибыли, получаемой немногими, и что наибольшая прибыль получается при специализации труда, им и в голову не приходит вопрос, будут ли люди постоянно подчиняться такой специализации и могут ли нации быть специализованы подобно единичным работникам? Теория была хороша на сегодняшний день — чего же думать о завтрашнем? Пусть она сама создаёт свои теории!

Так оно и вышло на деле. Узкое понимание жизни, считавшее прибыль единственным двигателем человеческого общества, и упорная уверенность в том, что то, что существовало вчера, будет неизменно существовать и завтра, оказалось в противоречии с людскими стремлениями. Жизнь приняла другое течение. Никто не станет отрицать высокой производительности, которой можно достичь специализацией: но, по мере того, как работа становится проще и легче усваивается, она также делается все более и более однообразной и скучной, и у рабочих является настоятельная потребность разнообразить свою деятельность и искать случая применить к делу все свои способности. Человечество приходит к сознанию, что обществу вовсе не выгодно приковывать человека на всю жизнь к одной данной точке в руднике или мастерской, лишая его такого труда, который мог бы привести его к свободному общению с природой и сделать его сознательной частью великого целого, участником в наслаждении наукой, искусством, независимым трудом и творчеством.

Нации тоже отказываются специализоваться. Каждый народ представляет из себя очень сложное сочетание вкусов и склонностей, желаний и средств, способностей и изобретательных сил. Занимаемое каждым народом

пространство земли представляет также в высшей степени разнообразное сочетание почвы, климата, гор, долин, покатостей, ведущих к еще большему разнообразию отдельных местностей и жителей, и это разнообразие требует разнообразия занятий. Сельское хозяйство вызывает к существованию промышленность, а промышленность, в свою очередь, поддерживает сельское хозяйство; они нераздельно связаны между собою, и именно сочетание обеих дает наилучшие результаты. По мере того, как технические знания, не составляя более ни для кого тайны, делаются общедоступными и международными, каждая нация приобретает возможность применять все свои способности к разнообразным промышленным и земледельческим предприятиям. Знание нельзя запирает в искусственные политические границы, — точно так же и промышленность. А потому современное человечество идет к тому, чтобы наряду с земледелием развить наибольшее разнообразие

промыслов в каждой стране и каждой области.

Потребности человеческих обществ совпадают, таким образом, с потребностями каждой отдельной личности; и хотя временное разделение труда остается пока вернейшей гарантией успеха в каждом отдельном предприятии, тем не менее, постоянное разделение должно исчезнуть и замениться разнородною деятельностью: умственной, промышленной, земледельческой, соответственно разнообразным способностям отдельных личностей и различных народов.

Освободив наше мышление от схоластики учебников и рассматривая человеческую жизнь с общей точки зрения, мы неизбежно приходим к выводу, что хотя выгода от временного разделения труда и несомненна, но что настало время обратиться к той выгоде, которая истекает от интеграции труда, от его объединения. До сих

знала только разделение труда; мы же настаиваем на его объединении: на том, что идеалом общества (т. е. тем, к чему оно уже стремится) является такое общество, где каждый трудится физически и умственно; где способный к труду человек работает в поле и в мастерской; где каждая нация и каждая область, располагая разнообразием природных сил, сама производит и потребляет большую часть своих продуктов земледелия и промышленности.

Конечно, подобная перемена не может произойти до тех пор, пока общество сохраняет свое теперешнее устройство, которое позволяет собственникам земли и капитала, под покровительством государства и исторических прав, присваивать себе ежегодный избыток производства. Но современная фабричная система, основанная на специализации функций, носит уже в себе зародыши собственного разрушения. Промышленные кризисы обостряются и становятся все более и более продолжительными, вследствие войн, неизбежных при настоящем положении дел. Да и сами рабочие все с большим нетерпением и неудовольствием переносят бедствия, навлекаемые лихорадочным ходом промышленности; и каждый такой кризис ведет к приближению того дня, когда современные установления частной собственности и производства будут потрясены до основания борьбой, формы и последствия которой будут зависеть от большего или меньшего здравого смысла привилегированных классов.

Но мы утверждаем также, что всякая попытка социалистов преобразовать современные отношения между капиталом и трудом потерпит неудачу, если не примет в соображение упомянутое сейчас стремление к интеграции, которое, по нашему мнению, не привлекло еще к себе должного внимания. Преобразованное общество вынуждено будет отрешиться от фантастической мечты о нациях, специализированных для производства, либо земледельческих, либо промышленных

продуктов. Оно должно будет положиться на самого себя для производства пищи и многих, — если не большей части, — сырых продуктов. Оно должно будет найти средства сочетать земледелие с промышленностью и ремеслами и позаботиться об «интегральном образовании», так как только обучая детей наукам совместно с ручным трудом, можно дать обществу тех людей, которые действительно ему нужны.

Каждая нация — свой собственный землероб и свой собственный производитель мануфактуры. Каждый член общества — работник и в поле, и в промышленности. Каждый, соединяет в себе научное знание со знанием ремесла — таково, утверждаем мы, современное стремление цивилизованных народов.

Изумительный рост промышленности в Великобритании, соединенный с развитием международных путей сообщения, позволяющих перевозить в гигантских размерах пищевые продукты и сырье, создать убеждение, что некоторые народы Западной Европы природой были предназначены стать производителями продуктов промышленности для всего света. «Пусть только, — говорили экономисты, — они снабжают международный рынок мануфактурными товарами, и им будут привозить со всего земного шара пищу и сырье!» Читая восторженное изображение международной торговли, мастерски очерченное Нейманом Спалартом, — статистиком и почти поэтом международной торговли, — нельзя не прийти в невольное восхищение от достигнутых результатов. «Зачем выращивать хлеб, — говорят западно-европейские промышленники, — зачем разводить быков и овец, обрабатывать огороды, подвергать себя тяжелому труду работника или фермера, со страхом наблюдать небо из опасения плохого урожая, когда можно получать с гораздо

меньшей затратой труда целые горы хлеба из Индии, Америки, Венгрии и России, мясо из Новой Зеландии, овощи с Азорских островов, яблоки из Канады, виноград с Малаги и т. п.? Уже и теперь наша пища, даже в самых скромных хозяйствах, состоит из продуктов, собранных со всего земного шара, а платье — из волокон или шерсти, доставленных из самых отдаленных частей света. Прерии Америки и Австралии, горы и степи Азии, мерзлые пустыри арктических стран, пустыни Африки, воды океанов, тропики и страны полуночного солнца несут нам свои дары. Все народности принимают участие в снабжении нас простой и изысканной пищей, простой одеждой и изящными нарядами, а мы шлем им в обмен плоды нашего более высокого умственного развития, наших технических знаний, нашей великой организационной способности в области промышленности и торговли. Разве это не величественная, поразительная картина, — этот деятельный и сложный обмен продуктов между странами всего земного шара, нежданно разросшийся в течение нескольких лет!»

Картина, может быть, — величественная, но не кошмар ли это? Зачем все это нужно? Какой ценой достигнуто?

И долго ли будет продолжаться такой порядок вещей?

Вернемся к тому, что происходило лет сто тому назад. Франция истекала кровью после Наполеоновских войн; ее юная промышленность, начавшая развиваться в конце восемнадцатого столетия, была раздавлена; промышленность же Германии и Италии была совершенно ничтожна. Армии Французской Республики нанесли смертельный удар крепостному праву во всей Европе; но с возвратом реакции крепостное право восстанавливалось, и это делало развитие промышленности невозможным. Ужасные войны, происходившие между Францией и Англией, имели не политическое, а гораздо более глубокое, экономическое значение: они велись за преобладание на всемирном рынке и

были направлены против французской промышленности и торговли, которая начинала опираться на зарождавшийся военный флот. Англия выиграла в этих войнах и достигла первенства на морях. Тогда Бордо перестал быть соперником Лондону, и французская промышленность надолго была убита.

Не встречая серьезной конкуренции в Европе, Англия начала быстро развивать свою промышленность, чему благоприятствовал сильный толчок, данный естественным наукам и технологии эпохой великих изобретений. Производство в крупном масштабе и в громадном количестве стало целью английских промышленников. Нужные рабочие руки предлагались в избытке крестьянами, силой оторванными от земли или же привлеченными в города высоким заработком; необходимые машины создавались и совершенствовались, — и британское производство мануфактурных товаров подвинулось вперед гигантскими шагами. С 1810 по 1878 год добыча угля возросла с 620 до 8 246 милл. пуд., ввоз сырого материала увеличился с 1 860 до 2 356 милл. пуд., а ввоз продуктов промышленности поднялся с 467 400 000 до двух тысяч миллионов руб. лей. Коммерческий флот был почти утроен, и проведено было 22 000 верст рельсовых путей.

Нечего напоминать, какую цену были достигнуты эти результаты: разоблачения парламентской комиссии 1840–42 гг. относительно отчаянного положения рабочих, рассказы об «имениях, очищенных от крестьян», о детях, которых увозили из рабочих домов «на фабрики» Северной Англии, еще свежи в памяти и останутся навеки памятником тех способов, какими была насаждена в Великобритании ее великая промышленность. Накопление богатства в руках привилегированных классов шло с беспримерною быстротою, о которой не имели прежде никакого понятия; неисчислимы богатства, поражающие иностранца в частных домах англичан, были приобретены в течение этого периода времени; и тогда же выработался дорогой, высокий склад жизни, которым Англия отличается от остальной Европы. Собственность, облагаемая налогом, удвоилась за этот период (1810–1878 гг.), и английские капиталисты за то же время вложили в иностранную промышленность и иностранные займы не менее одиннадцати — вернее около двадцати миллиардов руб. лей¹.

Однако монополия промышленности не могла остаться за Англией навсегда. Промышленные знания и предприимчивость начали переходить через Ла-Манш и стали распространяться по материку Европы. Правда, что великая революция создала во Франции многочисленный класс крестьян-общинников, которые в течение пятидесяти лет пользовались относительным благосостоянием или, по крайней мере, обеспеченной работой, так что число бездомных городских рабочих, готовых идти на фабрики, увеличивалось довольно медленно. Но революция уже создала различие между крестьянином-домовладельцем и крестьянином-пролетарием, и покровительство первым в ущерб последним принуждало работников, не имевших ни двора, ни земли, покидать свои деревни и образовывать из себя ядро рабочего сословия, поступавшего в распоряжение фабрикантов. Да и многие крестьяне-общинники, после временного благоденствия, стали ощущать давление тяжелых времен и должны были искать занятий на фабриках и заводах.

Революция, а затем войны задержали на время рост промышленности; но она снова начала развиваться во второй половине девятнадцатого века. В настоящее время, несмотря на

потерю Эльзаса, Франция уже не состоит более данницей Англии в промышленном отношении, как пятьдесят лет тому назад: ее вывоз мануфактурных товаров почти равен половине английского, и две трети его состоять из тканей; ввозит же она главным образом тонкие сорта пряжи, бумажной и шерстяной, которая частью снова вывозится в виде тканей, и небольшое количество шерстяного товара. Помимо того, Франция обнаруживает явное стремление сделаться собственной потребительницей своих продуктов, рассчитывая не на колонии, а на свой богатый внутренний рынок².

Германия идет по тому же пути быстрого развития своей промышленности. Со времени войны с Францией в 1870–71 году, германская промышленность подверглась коренному преобразованию. Население быстро возросло с сорока до шестидесяти с лишним миллионов, и этот прирост пошел, главным образом, на увеличение фабричного, городского населения. Вся техника производства была сильно усовершенствована, и вновь возникшие фабрики снабжены приспособлениями, представлявшими последнее слово техники. Вообще в Германии нет недостатка в рабочих и техниках с высшим техническим и научным образованием, и промышленность ее опирается на разумное содействие целой армии ученых химиков, физиков и инженеров. В общем, Германия находится в периоде сильного подъёма: она полна юных сил во всех отраслях деятельности. И в результате получилось то, что если пятьдесят лет тому назад она была покупательницей у Англии, теперь она уже является ей соперницей на европейских и азиатских рынках, и, судя по быстроте ее промышленного роста, результаты ее соперничества скоро станут еще более осязаемы.

В то же время волна промышленного развития разливается все больше к востоку и юго-востоку Европы, захватывая все более и более обширный район. Везде она насаждает новейшие результаты механических и химических изобретений, везде молодая промышленность усваивает последние результаты современной науки. Новые фабрики Германии начинали с того, к чему Манчестер пришел после векового опыта; а Россия начинает с того, до чего дошли Манчестер, Саксония и Соединённые Штаты.

Россия, в свою очередь, старается освободиться от зависимости от Западной Европы и начинает производить сама все товары, которые прежде свозила из Англии и Германии. При этом, если покровительственные тарифы помогают возникновению новых отраслей промышленности, то всегда они задерживают дальнейшее развитие существующих отраслей. Но децентрализация промышленности идет, под охраной или без охраны пошлин — я готов даже сказать: несмотря на охрану пошлин. Австрия, Венгрия и Италия также развивают свою отечественную промышленность; а Испания и Сербия собираются присоединиться к промышленным нациям. Мало того, даже Индия, Бразилия и Мексика, поддерживаемые английскими, французскими и германскими капиталами и знаниями, также развивают у себя свою собственную промышленность. И наконец самый опасный конкурент всем европейским промышленным странам возник недавно в лице Соединенных Штатов. Техническое образование распространяется здесь все шире и шире, а промышленность растет с чисто американской быстротой; так что в короткое время все нейтральные до сих пор рынки будут завалены американскими товарами.

Монополия первых явившихся на промышленный рынок перестала существовать и никогда не возобновится, несмотря на судорожные усилия вернуться к положению вещей,

принадлежащему уже истории. Необходимо пробивать новые пути, отыскивать новые исходы; прошлое отжило и более не оживет.

Прежде чем продолжать, я хочу, при помощи цифр, наглядно показать движение промышленности на восток и возьму для примера Россию, которая выступила последней на промышленную арену. Пятьдесят лет тому назад она считалась еще идеалом земледельческой страны, обреченной самой природой доставлять другим народам пищу и получать с запада мануфактурные товары. Так оно и было в действительности; но теперь стало уже не то.

В 1861 году, в год освобождения крестьян, в России и Польше было всего 14 060 фабрик и заводов, производивших ежегодно на 296 000 000 руб лей; двадцать лет спустя это число возросло уже до 35 160, и ценность годового производства достигла внушительной цифры 1 305 000 000 руб лей; а в 1894 году, хотя перепись не принимала в расчет небольшие фабрики и заводы, а также производства, подлежащие акцизу (сахар, спирт, спички), общее производство в Империи достигло уже до 1 759 000 000 рубл ей. Но самую характерною чертою этого подъёма промышленности было то, что, хотя число рабочих даже не удвоилось против 1861 года (оно достигло только 1 902 750 в 1910 году), производство каждого рабочего в главных

отраслях утроилось: в 1861 году среднее производство рабочего было всего 700 руб лей, а пятьдесят лет спустя оно уже достигло 2 190 рубл ей³.

Если же взять отдельные отрасли промышленности, особенно ткацко-прядильную и машинную, то прогресс окажется еще более поразительным. Так, например, уже в годы, предшествовавшие увеличению ввозных пошлин с иностранных товаров в 1879 году, даже без покровительственного тарифа, хотя число рабочих возросло всего на одну четверть, средняя производительность каждого рабочего больше чем удвоилась (с 450 руб лей в год она поднялась до 1170 руб.). В следующие девять лет производство более чем удвоилось, а с 1890 до 1900 года оно опять удвоилось, при чем количество хлопка, израсходованного нашими фабриками, поднялось с 765 000 пудов до 1 560 000 пуд., число же веретен за двадцать лет больше чем удвоилось и дошло до 8 306 000. При этом не следует забывать, что внутренний рынок для русских бумажных товаров, при населении в 165 миллионов, почти неограничен, и что эти товары вывозятся также в Персию и Среднюю Азию⁴.

Правда, что самые топкие номера пряжи и швейные нитки Россия все еще получает из Англии. Но ланкаширские фабриканты скоро обратят внимание и на это, — они уже начали устраивать в России свои фабрики: две большие фабрики для выпрядки самой тонкой пряжи были открыты в России в 1897 г. при участии английского капитала и английских техников, а недавно известным манчестерским фабрикантом был открыт в Москве завод для производства тонкой проволоки для чесальных машин. Капитал интернационален, и покровительственная система не препятствует ему переходит за пределы к акой-либо страны.

Что же касается производства шерстяных товаров, то хотя Россия несколько и поотстала в этой отрасли, но, тем не менее, чесальные, прядильные и ткацкие фабрики ежегодно

устраиваются в России и Польше английскими, немецкими и бельгийскими фабрикантами, так что теперь четыре пятых всей добываемой в России шерсти перерабатывается на своих фабриках, и только одна пятая вывозится за границу. Те времена, когда Россия славилась вывозом сырой шерсти, исчезли безвозвратно⁵.

Машинное производство тоже быстро растет, и его нельзя даже сравнивать с тем, что оно было в начале семидесятых годов. Благодаря английским и французским инженерам и затем развитию техники внутри самой страны, Россия более не нуждается во ввозе каких-либо частей для постройки железных дорог; а что касается земледельческих машин, то, по сообщению английских консулов, русские плуги и жатвенные машины успешно соперничают с английскими и американскими плугами и машинами. Эта отрасль прои

особенно сильно развилась в восьмидесятых годах в южном Урале (в виде кустарного промысла, развиваемого красноуфимской ремесленной школой) и в особенности на равнинах побережья Азовского моря. Об этой местности вице-консул Грин доносил в 1894 году следующее:

«Кроме восьми или девяти более крупных заводов, весь район усеян мелкими механическими заводами, занятыми преимущественно выделкой земледельческих машин и орудий, причем большинство из них имеет собственное свое литье... Город Бердянск может теперь гордиться самым большим в Европе производством жатвенных машин и может выпускать ежегодно три тысячи машин»⁶.

Нужно заметить, что вышеприведенные цифры относятся только к заводам с годовым оборотом, превышающим 2 000 рубл ей, а потому вовсе не касаются разнообразных кустарных промыслов, которые за последнее время тоже сильно развились наряду с крупной промышленностью. Кустарные промыслы, столь характерные для России и необходимые для нее в виду ее климатических условий, занимают теперь более 7 500 000 крестьян, и годовая ценность их производства, исчисляемая в 1 800 000 000 руб лей, превосходила общую ценность произведений крупной промышленности.

Я еще вернусь к этому вопросу в одной из следующих глав, а пока замечу только, что в промышленных губерниях России, например, в окрестностях Москвы, оборот домашнего ткачества достигает 45 000 000 руб лей, а на северном Кавказе, где мелкая промышленность возникла очень недавно, в крестьянских домах имеется уж до 45 000 ткацких станков, вырабатывающих ежегодно на 2 000 000 руб лей тканей.

Что же касается горной промышленности, то несмотря на чрезмерное покровительство и конкуренцию дров и нефти⁷, производительность угольных копей в донецком бассейне в течение последних двадцати лет удвоилась, а в Польше учетверилась⁸. Почти вся сталь, три четверти железа и две трети чугуна, употребляемых в России, вырабатываются внутри страны, и 8 рельсопрокатных заводов могут ежегодно выбросить на рынок 19 миллионов пудов рельсов⁹.

Естественно, что вследствие этого ввоз в Россию заводско- фабричных продуктов невелик, и что уже с 1870 г., т. е. за 9 лет до общего повышения пошлин, отношение ввоза этих

продуктов к общему ввозу постоянно понижалось. Заводско- фабричные продукты составляют теперь одну пятую ввоза и только случайно поднимаются до одной трети, как это было в 1910 году. Притом ценность ввозимых товаров

понижается. Тогда как в 1872 году ввоз Англии в Россию оценивался в 163 000 000 руб лей, с 1894 года по 1909 год он колебался между 68 845 000 и 113 200 000 руб лями. Из них обработанных товаров было немного больше, чем на 20 000 000 руб., остальной же ввоз состоял либо из пищи, либо из сырого и полуобработанного материала (металлов, пряжи и т. п.). В 1910 году ввоз продуктов британского производства достиг наибольшей величины, т. е. 153 000 000 руб лей; но он состоял главным образом из машин и угля. В сущности, ценность произведений британской мануфактуры, ввезенных в Россию в 1910 году, сократилась до следующих ничтожных цифр: машин было ввезено на 13 200 000 руб., бумажной пряжи и тканей на 3 600 000, шерстяных изделий и пряжи на 4 800 000, химических продуктов на 4 760 000 и т. д. Еще поразительнее обесценивание ввозимых в Россию английских товаров: так, например, в 1876 году Россия ввезла 24 000 000 пудов английских металлических товаров и заплатила за них 60 000 000 руб лей, а в 1884 г., при ввозе того же самого количества товара заплачено было всего 34 000 000 руб. Подобное обесценивание замечается относительно всех ввозимых товаров, хотя не всегда в такой пропорции.

Ошибочно предполагать, что уменьшение иностранного ввоза происходит главным образом от высоких покровительственных пошлин, — оно объясняется гораздо проще — ростом собственной промышленности. Покровительственные пошлины содействуют наравне с другими причинами привлечению немецких и английских фабрикантов в Россию и Польшу. Лодзь, польский Манчестер, — вполне немецкий город, а каталоги русских торгово-промышленных предприятий кишат английскими и немецкими именами. Английские и немецкие капиталисты, английские механики и мастера насадили в России усовершенствованные хлопчатобумажные фабрики, а теперь они занялись улучшением шерстяной промышленности и производства машин, тогда как бельгийцы быстро развивают железное дело в южной России. Не подлежит ни малейшему сомнению, — и это мнение разделяют не только экономисты, но и некоторые русские фабриканты, — что политика свободной торговли уже не может задержать дальнейшего роста нашей промышленности, а только понизить высокие барыши их фабрикатов, которые, заботясь об улучшении своих заведений, рассчитывают главным образом на дешевый труд и долгий рабочий день.

Мало того. Как только Россия завоеует себе более свободы, дальнейшее развитие ее промышленности неизбежно. Техническое образование, распространению которого, как это ни странно, правительство противилось более десяти лет, быстро разовьется, и тогда, при природных богатствах России и трудолюбивом ее юношестве, стремящемся соединить ручной труд с наукой, Россия может в несколько лет удесятить свое промышленное могущество. Она будет вырабатывать сама все, что ей нужно, оставаясь по-прежнему земледельческой страной.

В настоящее время из 112 000 000 населения Европейской России на фабриках работают только 1 500 000 мужчин и женщин, а 7 500 000 совмещают фабричный труд с земледелием. Если бы число работающих на фабриках утроилось или даже удесят�ерилось, то Россия в се-

таки не перестанет быть сельскохозяйственной страной, но тогда уже не будет места ввозу мануфактурных товаров, так как эти миллионы промышленных рабочих произведут весь мануфактурный товар, нужный нашему населению, и Россия, оставаясь при этом сельскохозяйственной страной, может производить их дешевле, чем страны, питающиеся ввозимыми продуктами. Не надо забывать, что в Великобритании с Ирландией¹⁰ во всех ткацко-пряжильных (текстильных) производствах работает всего 1 087 200 человек, и из этого числа только с небольшим триста тысяч (311 000 в 1907 г.) — мужчины свыше 18 лет (остальные — женщины и подростки). Между тем, они смотрят за 53 000 000 веретен и 700 000 ткацких станков — в одной хлопчатобумажной промышленности, и производство тканей и пряжи так громадно, что оно достигает ежегодно до 2 000 миллионов рубл ей; причем из этого количества вывозилось ежегодно, в среднем за 1905–1910 годы, на 1 362 600 000 руб., не говоря уже о вывозе 1911 года (в предвидении готовившейся войны), достигшем 1 634 000 000 рублей¹¹.

Эти цифры, а равно и цифры, данные в примечании, чрезвычайно поучительны, так как из них мы видим, что может произвести человек при помощи современных машин. К сожалению, истинной производительности современных фабрик не представляют себе даже экономисты. Так, например, у нас в России, некоторые экономисты еще недавно утверждали, — и к их мнению прислушивались, — что необходимо обратить наших крестьян (около ста миллионов) в пролетариев, чтобы создать крупную обрабатывающую промышленность. Из приведенных же цифр ясно, что если бы только четвертая, или даже пятая часть ежегодного прироста населения России шла в обрабатывающую промышленность — как это происходило недавно в Германии — то русские фабрики скоро производили бы такие количества мануфактурных товаров, что их хватило бы на четыреста или пятьсот миллионов народа, в придачу к населению Российской Империи.

То же самое в еще большей степени относится и к другим европейским государствам, значительно опередившим Россию в промышленном развитии, и в особенности к Германии. В последнее время так много говорилось и писалось о конкуренции Германии с английской торговлей даже на английских рынках, и так легко убедиться в этой конкуренции осмотром английских магазинов, что я не стану много распространяться о ней. Журнальные статьи, корреспонденция, поднятая по этому вопросу в Daily Telegraph в августе 1886 г., консульские донесения, перепечатанные руководящими газетами, и, наконец, политические речи достаточно ознакомили общественное мнение с важным значением и силой немецкой конкуренции; а с другой стороны люди, говорившие о необходимости развития технического образования в Англии, так много и часто указывали на силу, извлеченную Германией из технического образования ее рабочих, инженеров и многочисленных ученых, что быстрый рост промышленной силы Германии не подлежит более никакому сомнению.

Там, где прежде требовалось столетия на развитие какой-нибудь отрасли промышленности, теперь на это достаточно нескольких лет. В 1864 году в Германию было ввезено всего 509 000 пуд. хлопка, а вывезено было только 50 000 пуд. бумажных товаров. Бумагопрядение и ткачество были незначительные кустарные промыслы. Двадцать лет спустя ввоз хлопка достиг уже 11 160 000 пудов, а в последующие двадцать лет возрос до 17 220 600 пуд; вывоз же бумажных тканей, который оценивался в 1883 году в 33 840 000 руб лей, в 1905 году дошел до 190 000 000 руб лей. Таким образом, менее чем в тридцать

лет была создана громадная промышленность и выработана надлежащая техника, так что в настоящее время Германия получает из Ланкашира только самые тонкие номера пряжи; впрочем, и этот недостаток, вероятно, вскоре будет устранен¹²: недавно были устроены фабрики для очень тонкой пряжи, и освобождение от Ливерпуля открытием хлопковой биржи в Бремене быстро подвигается вперед¹³.

В шерстяном производстве мы видим такое же быстрое развитие, и в 1910 году шерстяных товаров было вывезено уже на 131 523 000 руб. (против 82 200 000 в 1894 году) и из них, средним числом в 1906–1910 годах, вывозилось в Англию на 18 000 000 руб.¹⁴ Число веретен было быстро удвоено, и в 1894 г. ценность вывоза шерстяных товаров достигла 77 268 000 руб лей, из которых на 8 525 800 руб лей было вывезено в Англию. Льняная промышленность возросла еще быстрее; шелковое же производство Германии, с ее 87 000 станками и годовым производством в 84 600 000 рубл ей, уступает только Франции.

Прогресс, достигнутый Германией в производстве химических продуктов, слишком хорошо известен, а отчеты о германской чугунной и стальной промышленности, равно как и расследования, произведенные Британской Ассоциацией железного производства, указывают, насколько увеличилась в Германии с 1871 года выплавка чугуна и его переработка (см. Приложение IV); поэтому несколько не удивительно, что ввоз в Германию железа и стали уменьшился почти наполовину в этот промежуток времени, тогда как вывоз возрос вчетверо. Что же касается производства машин, то хотя немцы и впали в ошибку, чересчур рабски копируя английские модели вместо того, чтобы создавать новые, как поступают американцы, но надо признать, что выполнения этих копий хороши, и они с успехом соперничают дешевизною с машинами и орудиями Англии (см. Приложение V). Доброкачество германских научных инструментов хорошо известна всем людям науки даже во Франции.

Вследствие всего вышесказанного ввоз в Германию мануфактурных товаров постепенно убывает; волокнистых же веществ ввозится так мало, что ввоз почти уравнивается вывозом. Поэтому, не подлежит сомнению, что не только немецкий рынок скоро будет потерян для мануфактурных стран, но что конкуренция Германии будет все сильнее и сильнее чувствоваться, как на нейтральных рынках, так и на рынках Западной Европы. Говоря перед несведущей аудиторией, конечно, легко заслужить рукоплескания восклицанием, что германские произведения никогда не сравнятся с английскими, на деле же германские товары успешно конкурируют с английскими по дешевизне и часто даже по хорошей обработке, и это обстоятельство объясняется многими причинами.

Хотя бы объяснение, состоящее в том, что успешная конкуренция Германии с Англией и Францией объясняется «дешевизной труда» у немцев, опровергается уже исследованиями, которые доказали, что низкий заработок и длинный рабочий день несколько не тождественны с дешевым производством. Дешевый труд и покровительственная система дают только возможность известному количеству предпринимателей продолжать работать устарелыми и плохими машинами; но в высокоразвитых основных отделах промышленности, как, например, в хлопчатобумажной и железной, более дешевый продукт получается при высоком заработке, коротком рабочем дне и самых лучших машинах.

Когда число рабочих, потребных на каждую тысячу веретен, колеблется между семнадцатью в России и тремя в Англии, или же ткач смотрит во многих фабриках Европы только за двумя или тремя станками, тогда как в новейших фабриках Америки он смотрит за шестнадцатью норсроповскими механическими станками, то такую разницу не может возместить никакое уменьшение заработной платы. Поэтому на лучших немецких хлопчатобумажных фабриках, а также на металлических заводах (как это известно из исследования Британской Железо-промышленной Ассоциации) заработок рабочих не ниже, чем в Англии, причем рабочий в Германии получает больше за свое жалованье, чем в Англии — в этом рае посредников, каковым Англия останется до тех пор, пока она будет существовать ввозимыми пищевыми продуктами.

Главная причина преуспевания Германии на промышленном поле — та же, что и в Соединенных Штатах: обе страны вступили в промышленную фазу развития с энергией юности и новизны; в обеих странах широко распространено научно-техническое образование, и обе создают свою промышленность, пользуясь наилучшими методами производства. Как Германия, так и Соединенные Штаты находятся в периоде пробуждения во всех отраслях деятельности: в литературе, науке, промышленности и торговле, и обе вступают в ту самую фазу, в которой находилась Великобритания в первой половине нынешнего столетия, причем Соединенные Штаты находятся на той же стадии усиленной изобретательности, как была Англия, когда ее рабочими и инженерами были изобретены удивительные современные машины.

Мы имеем перед собою простой факт последовательного развития народов. И вместо того, чтобы сопротивляться неизбежному и порицать его, гораздо лучше спросить себя, не могут ли пионеры промышленности — Англия и Франция, взяв на себя почин в чем-нибудь новом и найти исход своему творческому гению в другом направлении; а именно, в использовании земли и промышленных способностей человека для обеспечения благосостояния всему своему народу, а не одним только отдельным личностям?

Примечания

1 ни двора, ни земли, покидать свои деревни и образовывать из себя ядро рабочего сословия, поступавшего в распоряжение фабрикантов. Да и многие крестьяне-общинники, после временного благоденствия, стали ощущать давление тяжелых времен и должны были искать занятий на фабриках и заводах.

2 См. Приложение II

3 За последние годы со времени Японской войны статистика промышленности была не совсем надежна. В 1910 году насчитывали, однако, уже 19 983 фабрик и заводов, на которых работало 2 253 790 человек, при чем производство достигло уже 4 565 400 000 рублей. Из них на Европейскую Россию, Польшу и Северный Кавказ приходилось 15 720 фабрик и заводов, с 1 951 955 рабочих, в том числе 521 236 женщин и 203 359 детей.

4 Любопытно заметить, что около одной десятой хлопка, потребляемого в России, привозится из Средней Азии и Закавказья, при чем выращивание хорошего американского хлопка, а равно его очистка и прессование введены были русскими после завоевания Туркестана. Сравнительная дешевизна миткалей и хорошее качество русских ситцев были особенно отмечены британским консулом во время Нижегородской выставки.

5 В 1910 году производство 1037 шерстяных фабрик Евр. России и Польни оценивалось в 250 миллионов руб лей против 120 миллионов в 1894 году.

6 Сообщение вице-консула Грина в «The Economist» от 9 июня 1894 г.: «Жнеи специального типа, стоимостью от 150 до 170 руб лей, прочнее и производят больше работы, чем жнеи американские и английские». В 1893 году 20000 жатвенных машин, 50000 плугов и проч. были проданы в этой местности за 8 220 000 руб лей, и не будь запретительной пошлины на иностранный чугун, который в 2 раза дороже, чем в Лондоне, эта промышленность развилась бы еще больше. Ради покровительства собственной железной промышленности, которая вследствие этого продолжает держаться на Урале прежних устарелых способов, положена пошлина в 50 коп. на пуд сырого чугуна. Последствия этой покровительственной политики для русского земледелия и для государственного бюджета были хорошо разобраны в книге А. А. Радинга «Мировая железная промышленность», СПб., 1896.

7 Из 1500 пароходов, ходивших по рекам России в конце 19-го века, половина отапливалась дровами, а четверть — нефтью. Дровами же работала большая часть железных дорог и железных заводов на Урале.

8 В 1910 году было добыто каменного угля 152 000 000 пудов в Европейской России и 7 000 000 в Сибири.

9 См. Приложение III.

10 Великобританией у нас часто называют то, что следовало бы называть «Соединенным Королевством» т. е. европейскую часть английского государства. «Великобританией» все же называется только Англия, Шотландия и Уэльс.

11 Вот данные по позднейшей официальной переписи 1908 года. Во всей хлопчатобумажной промышленности Великобритании и Ирландии работало только 220 563 мужчин (включая юношей и мальчиков), 262 245 женщин и 90 061 девушек моложе 18 лет. Они произвели 8 262 200 000 аршин небеленых миткалей и 786 600 000 арш. белых и цветных материй, т. е. по 206 аршинна каждого жителя Великобритании и Ирландии и 1 658 000 000 фунтов пряжи, на 960 000 000 руб лей. Таким образом получается 15 760 аршин миткалей и 2910 фунтов пряжи на каждого рабочего. В шерстяном производстве работало 112 438 мужчин и мальчиков, 111 192 женщины и 34 087 девочек, и по цене далось все их производство (ниже действительной стоимости) в 610 миллионов рублей.

12 Francke, Die neueste Entwicklung der Textil- Industrie in Deutschland.

13 Cf. Schulze Gawernitz, Der Grossbetrieb, etc. — см. Приложения V, VI, VII.

14 Ввоз германских шерстяных товаров в Англию возрос с 6 074 000 руб. в 1890 году до 18 225 000 руб. в 1910; вывоз же Англии в Германию шерстяной пряжи и ткани хотя и возрос, но не в той же пропорции, а именно с 27 693 000 р. в 1890 г. до 46 380 000 руб. в 1894 г., в среднем за пятилетие 1906–1910 гг.

Версия #5

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 29 апреля 2025 03:17:12

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 29 апреля 2025 05:58:42